

Владик МИЧЕЛИН

Адвокат дьявола

как их называли, бродские евреи. Они образовали здесь большую богатую общину и построили синагогу в самом центре города, на углу Почтовой и Итальянской улиц, как тогда именовались нынешние Жуковского и Пушкинская. Абрам Бродский быстро и органично вписался в колоритную жизнь Одессы, удостоился звания почетного гражданина Одессы, был гласным, сиречь депутатом городской думы и членом городской управы, жертвовал крупные суммы на развитие Еврейской больницы и нужды народного образования... Словом, в Одессе Бродский, что называется, нашел себя, а Одесса нашла себе Бродского. И когда Абрам Маркович со своей красавицей женой Розалией Артуровной появлялся на тогда еще тенистых аллеях Городского сада или на дышащем вечерней прохладой Приморском бульваре, вся гуляющая публика уважительно смотрела им вслед — «Бродский!».

Бродский был не меньшим благотворителем, чем Маразли и графы Толстые, но несколько более специфическим. Львиную долю пожертвованных им средств он предназначал еврейским организациям. Так, в частности, им был открыт еврейский сиротский дом. Конечно, открытие еврейского сиротского дома в Одессе было великим делом, но, к сожалению, полностью проблемы не решило, поскольку оставалось еще немало детей, которые, не будучи сиротами, пребывали в крайне тяжелом положении. Посему и было в 1899 году учреждено Общество попечения о бедных и бесприютных еврейских детях. «А доктор Абрам Осипович Гершензон стал председателем правления нового Общества, в котором были люди разных сословий, рода занятий, общественного и имущественного положения, но одинаковой щедрости и благородства души. Среди них была и Фанни Соломоновна Шпенцер — жена преуспевающего владельца крупной типографии Моисея Шпенцера, мать поэтессы Веры Инбер и родная тетка ученика одесского реального училища, а потом заключенного одесского же тюремного замка Льва Бронштейна. Этого племянника мадам Шпенцер, наверное, можно было и не вспоминать, если бы он под фамилией своего тюремного надзирателя Троцкого изрядно не поучаствовал в раздувании того пожара, который, к его вящему неудовольствию, не разгорелся в мировом масштабе, но успел уничтожить многое из того, что было достойно лучшей участи в стране, в Одессе и в Авчинниковском переулке...» (Р. Александров).

И, наконец, в доме 14 жил и творил Аркадий Львов. Он был автором уже нескольких книжек, но считался неблагодарным. Единственная работа, которую он смог получить, была работа преподавателя ручного труда в нашей школе № 39. А ведь в те годы создавался его знаменитый роман «Двор».

«...Я отчетливо помню, как возле метро «Аэропорт» я сказал Константину Симонову, человеку, который очень много для меня сделал, что хочу написать роман о жизни простых людей. Но вот название не могу придумать — «Мой двор», «Твой двор»... Он остановился (естественно, привлёк внимание множества людей — его узнавали) и так, слегка грациозно: «Какой «мой двор», «ваш двор»? «Двор!» Просто «Двор!» Огромный, как вся империя»...

Да, забыл сказать, что № 14 — это знаменитый в Одессе дом Котляревского. Там в большом количестве обитали одесские биндюжники.

Аркадий Львов вспоминает: «Среди этих биндюжников был такой Шломо Баренгауз. Мне было 6 лет, когда он посадил меня на свою подводку и повез в порт. Меня поразило, что со своими лошадьми он разговаривал на идиш. Я спросил: «Дядя Баренгауз, а они что, не понимают русского языка?» — «О, если бы ты знал русский язык, как они, то ты был бы второй Карл Маркс. Но второго Карла Маркса быть не может».

Кроме того, в этом доме жил В. Крапива, один из создателей одесского КВН. Именно в его квартире и начался одесский КВН.

Вот как это вспоминает сам Валя Крапива. «...Нас было пять человек. Сидели у меня дома, в Авчинниковском переулке, 14, писали приветствие. И вдруг поняли: для полного счастья нам не хватает аккомпаниатора. А тут наш капитан, Миша Малеев, говорит: «Я был на КВН в одной проектной организации, там один парень играл на гитаре. Он живет здесь, в доме № 12, зовут Валера». Пошли в соседний двор, нашли Валеру: «Саккомпанируешь?» — «О чем речь!» Это оказался Хаит».

Вот такой переулочек. Один из многих в Одессе. Невзрачный, не очень красивый. Но город — это не только красивые дома, это — люди, которые тут жили и... живут. Я не очень уверен, что о многих и многих жителях города потомки напишут хоть что-то хорошее. Так, по крайней мере, вспомним тех, кто создавал дух этого города. Дух, который не удается истребить всякого рода проходившим, временно оказавшимся при капиталах и власти.

В современном английском языке это словосочетание употребляется достаточно часто. Ни к юриспруденции, ни к религиозным воззрениям сегодня оно уже никакого отношения не имеет. Но если кого-то заинтересует происхождение этого термина, то ноги растут от официальной должности в Католической Церкви, в которой один из служителей назывался *Advocatus Diaboli* и выступал против канонизации (святости) одного из рассматриваемых кандидатов, для того чтобы выявить какие-либо недостатки характера или «искажение свидетельств в пользу канонизации».

Сегодня «адвокат дьявола» — это кто-то, кто, выслушав какой-то аргумент или столкнувшись с определенной ситуацией, занимает альтернативную позицию, иногда ради дискуссии, а иногда, как, скажем, во времена кухонной философии СССР конца XX века или дня сегодняшнего — не среднестатистического жителя Украины, для дальнейшего изучения полета свободной мысли. Мол, «ехать или не ехать», к примеру...

В общем, какой-то человек берется играть роль адвоката дьявола и стремится вовлечь других в процесс обсуждения спорного факта или явления. Цель такого процесса, как правило, это проверка качества исходного аргумента и выявление слабых мест. Зачем? Чтобы, найдя недостатки в процессе обсуждения, либо улучшить то, о чем идет речь, либо вообще отказаться от него.

Обсудим? Тогда — к деталям. Я уехал в те годы, когда, как говорил уважаемый тогда в Одессе Станислав Говорухин, не уезжают только идиоты или труссы. Не хотелось считать себя ни тем, ни другим... Уехал. Прожил в Америке четверть века, время от времени возвращаясь в Одессу, к прошлому, к памяти, к друзьям... Не скрою. Поначалу я им завидовал. Мне приходилось «пахать» на новом месте жительства, заново выстраивая всё: привычки, вкусы, круги общения, традиции. А им — моим друзьям — было «интересно» жить, как они мне рассказывали. Да, было голодно и сложно, но впереди маячило какое-то будущее — с новыми бизнесами, с открывшейся вдруг возможностью говорить все, что думаешь.

Шли годы... Я стал замечать: стал как-то тушеваться этот их интерес. Уже не волновало никого появление в газете разоблачительной и разгромной статьи об очередном взяточнике; уже стало привычным то, что за открытие бизнеса — или за его «крышевание» — надо платить; уже и купленный — бог знает, за какие деньги — «Мерседес-500» не то что не радовал, а как-то даже и кровь не горячил... Даже соседскую.

Появились «олигархи». Их ненавидели, но воспринимали как нечто само собой разумеющееся. И прощали. Ну, есть — и есть.

Бомжи копаются в мусорных ящиках, на каждом перекрестке бабушки и искаленные люди просят милостыню, в трамваях собирают средства на лечение детей!

А кафе и рестораны полны. Вот вопрос, на который я никак не могу найти ответа. Откуда у всех этих людей деньги?

Мне объясняют — «7-й километр» кормит. Всех? Весь миллион жителей?

Как грибы, на месте ностальгических бывших санаториев, где сушил бороду старик Хоттабыч, тянутся к небу странные многоэтажки. Почему странные? Во-первых, непонятен их стиль. Этакое смешение постсоветского модерна с псевдоосманскими башенками и «сталинскими» балконами. Такое себе нечто «шикарное!» Ладно, я не архитектор, не мне судить, но я же могу сравнивать с тем, что видел, поездив по миру! Во-вторых, качество этого строительства! Нигде я не видел такого! Мало того, что тебе продают пустую бетонную коробку за немалые деньги, ты еще должен почти столько же вложить в то, чтобы из нее сделать жилье! При этом тебя будут всячески душить, подсовывая какие-то некачественные «китайско-польско-турецкие» материалы. Кстати, я заметил, что китайские товары, сделанные для западного мира, разительным образом отличаются от их собратьев, продающихся здесь. И, похоже, всех это устраивает.

В общем, тебя «имеют за лоха». И на этом я бы хотел остановиться особо. Такое впечатление, что то, что тебя «поимели» — причина гордости для «поимевшего». Ни стыда, ни желаний исправить... Позволю себе маленькое «рыбное» отступление. В ресторане «Катран», где 100-граммовая порция заказанной рыбки стоила в меню 98 (!) гривен, нам принесли счет, где та же порция уже стоила 120 (!!!). На вопрос о несоответствии администратор, не задумываясь, заявила, что цены в меню старые, поменять не успели. Чтобы не раздувать конфликт, я нашел компромисс —

попросил скидочную карточку этого ресторана, за которой мне было предложено прийти через неделю. Что ж, через неделю с приятелем мы, действительно получив злополучную карточку, уже заказывали точно ту же рыбку, удостоверившись изначально, что цена в меню соответствует действительности, и предвкушая 10-процентную скидку. Принесли счет. Без скидки. Как?! На мой вопрос я получаю ответ: «На рыбные продукты скидка не распространяется». В рыбном ресторане? Не распространяется?! Почему?!

Главное, чему меня научила Америка — на грозное: «Не положено! Нельзя!» — я всегда могу задать вопрос «Почему?» И будьте уверены: я получу ответ на свой вопрос.

Да, там та же бюрократия, да — там те же проволочки и ухищрения клерков, отсиживающих зады с 9-ти до 5-ти, да — система везде система. Но ответ на свой вопрос я получаю. И хотите — верьте, хотите — нет: передо мной обязательно извинятся!

Здесь же я только увидел в ответ ухмыляющееся лицо девушки-администратора и ненавидящее лицо усталой официантки.

«Поимели!» лоха. И плевать им, что я туда больше ни ногой, что моих друзей им не видать, как своих ушей. Подумаешь! Других лохов найду. Вон полон город невзыскательных туристов, рванувших к нечистому морю и грязному, зато бесплатному песку.

Да, впрочем, и не только туристов. Кто эти люди, гуляющие по Дерibasовской, гордо называющие себя «одэситами»? Мой старый приятель, ставший сейчас знаменитым писателем, подарил мне свою книжку с надписью «Спасибо, что уехал. Иначе ты бы писал, а я бы читал». Вот так-то.

Но я вернулся. Зачем, почему — это уже, как говорят в Америке, вопрос «personal». Одно могу сказать: совсем не одессит Карл Маркс (да-да, тот самый бородач и волосатый немецкий философ, о существовании которого сегодня школьники и не подозревают) был прав — бытие таки да определяет сознание.

Пожив там 25 лет, я понял: был прав, когда думал, что цвет кожи, национальность, принадлежность к иной сексуальной ориентации — на отношение к человеку, к тому, что он собою представляет, как личность или профессионал, не влияют.

Пожив год здесь, я услышал, что евреи (как и прежде) во всем виноваты, хотя их уже по пальцам пересчитать можно, что «гомосетиана» нам не нужна, тут, слава богу, не «гейропа», а «чурки» и «звери» должны убираться к себе домой, хоть в Грузию, хоть в Турцию, хоть в Сирию.

Пожив 25 лет там, я узнал, что «престиж» — это слово «советское», и даже если ты, обладая дипломом адвоката или врача, работаешь официантом или таксистом, чтобы прокормить себя и семью, это не зазорно. И работу свою официантскую/таксистскую ты все равно должен делать хорошо, иначе ни денег, ни тем более — чаевых тебе не видать.

Пожив год здесь, я увидел, что официанту (в большинстве, увы, случаев) начать на то, что ты ешь или пьешь и он понятия не имеет, как это готовится, а чаевые ты ему и так дашь, а таксист, он же служитель культа Сервиса, повезет тебя, конечно, куда тебе нужно — за твои, естественно, деньги, но — как в старом анекдоте — удовольствия от этого он, конечно, не получит.

Пожив 25 лет там, я узнал, что, если, мне, извините, приспичило, то я могу зайти в лю-

бое кафе, ресторан, офис, наконец, и спросить: «А где тут туалет?» И мне с улыбкой покажут: туда-то или сюда-то. И я зайду в чистый, пахнущий лимонно-банановой (как у Вертинского, да?) эссенцией туалет, где в достаточных количествах будет хватать и бумажных полотенец, и мягкой, пахнущей пудрой туалетной бумаги, и мыла, и т. д., и т. п.

Пожив год здесь, я понял, что 1) доллар подорожал, поэтому платный туалет теперь от 3,50 до 5 грн. (в зависимости от места возникновения нужды);

2) даже если он платный — все равно (процентов на 90) вонючий, и, переступая через напольные водные преграды, ты можешь, поскольку зная, не доплыть до толчка;

3) если туалет не платный — туда лучше не заходить вообще: можно умереть от удушья;

4) что участники ВОВ и дети до 3 лет могут-таки бесплатно посетить туалет, но только при предъявлении удостоверения.

Да, Одесса — уже не Одесса. Так, остаток вываленных на свалку и гниющих декораций, оставшихся после съемок фильма о той, знаменитой в прошлом, Молдаванке. Ухабистый, в рытвинах, сквозь которые видна 100-летняя брусчатка, центр... Падающие на головы балконы и деревья. Изуродованный Французский бульвар. Отвратительная, никакая, потерявшая свое лицо Аркадия с убойным грохотом ресторанных оркестров с полуночи до утра. Не могу понять — как же вблизи люди живут? Спать невозможно! Их это устраивает?

Справедливости ради, нужно сказать, что еще есть пронзительно красивый бульвар с Оперным, несколько улиц, к нему прилегающих, где реставраторы что-то как-то из имеющихся материалов... И всё. Правда, сейчас к бульвару добавляют что-то турецкое... Какое это имеет отношение к Одессе — никто не знает. Зато — на «шару».

Буквально еще два слова о рекламе. Как говорили в моем студенческом прошлом: «Клава, я балдею».

Например, в той же Аркадии — надпись на окне строящегося заведения: «Опэнинг сун». Перевожу на английский — «Opening soon». Теперь ответьте, на кого рассчитано? На тех, кто говорит по-английски? Тогда почему по-русски? На тех, кто ни бум-бум в английском? Тогда... ой, мама.

Или — реклама «Сильво»: TRUEЯЙЦА. Хм...

А вот шедевр — «BURO OCEHNI».

Плюс — еще одно. Есть такое понятие на Западе — false advertising. То есть, если вы обманули в своей рекламе, вас за это могут судить, и на весьма немалые суммы.

Столкнувшись с местными риэлторами при поисках квартиры на съем, я пытался им это объяснить, но куда там.

— Этой квартиры за 3 тысячи гривен уже нет, она снята, но есть другая за пять.

— Но вы же рекламировали эту, за 3...

— Мало ли, что я рекламирую.

— А скажите, а во-он в том доме квартиру снять можно?

— В том? Что вы... Там люди живут.

...Ничего нового я не сказал. Все это знают, все это видят. Вопрос в другом: почему всех всё устраивает?

Может, дело в возрасте. Мы с годами становимся брюзгами, не желающими признавать ничего нового, интересного. А потом уже и лень чем-то заниматься.

А может, и впрямь время от времени нужно разбудить в себе адвоката дьявола. И востать. Вот только вопрос. Против кого? Ведь против себя — ой, как не хочется.

